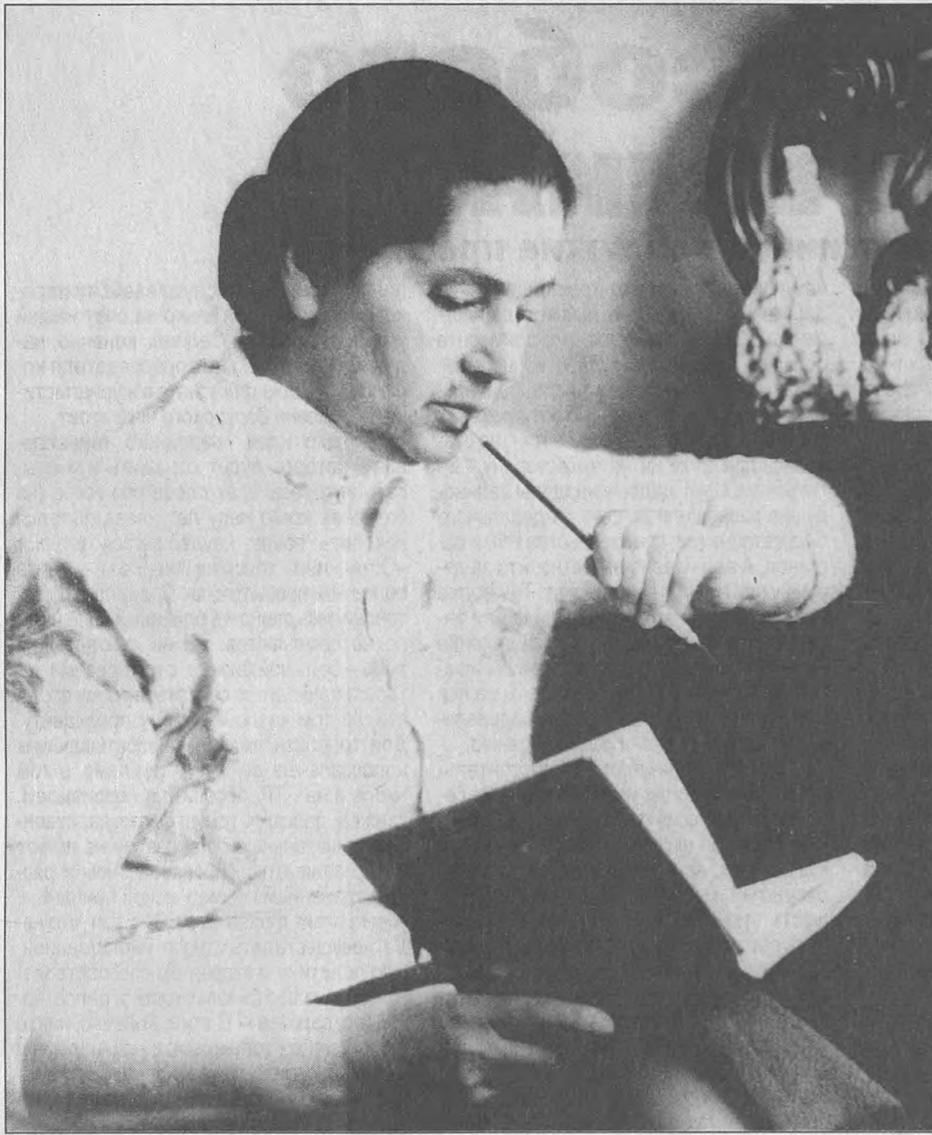

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Аста и ее фарфоровый народдец

Общая газ. - 1997 - 23 - 29 окт. - с. 14

Имя Асты БРЖЕЗИЦКОЙ встречается во всех альбомах и каталогах, посвященных русскому фарфору второй половины двадцатого века. В музеях Москвы, Санкт-Петербурга, российской провинции, в европейских собраниях есть ее работы – романтическое эхо прошедшего...

Мы не первый раз встречаемся в доме, где живут Аста, ее работы и собачка Муля. Я дорожу радушием и доверием хозяйки, заслушиваюсь то смешными, то трагическими рассказами из ее жизни. О том, например, как революция застала Асту с матерью в Крыму, на даче знаменитого Сытина. Издатель построил себе дом и не успел вселиться, как началось: то белые, то красные, то зеленые с гор сыпались. А они вдвоем в трехэтажной вилле с башней. Затем Москва, суриковский художественный институт, где Аста была любимицей руково-

дителя курса – знаменитого скульптора Матвеева, а после – и на всю жизнь – фарфоровый завод в Дулево, под Москвой, когда-то товарищество Кузнецова, знаменитый кузнецовский фарфор.

– Я пришла на завод впервые в тридцать восьмом году, еще студенткой второго курса, попросилась в Дулево на практику. Потому что фарфор любила всегда, с детства: в доме стояла мейсенская фарфоровая скульптура с картины Буше «Кавалер и дама» – эти ручки, эти ножки, бантики, это – обойти кругом! Казалось, что такое не могли сделать человеческие руки, что оно просто существует на свете, как все в природе.

Тогда в Дулево росли огромные, выше завода, тополя, зеленая трава с завитком, а по ней ходили гуси, величавые, будто никогда их никто не зажарит. Белые, роскошные, уверенные в себе – жизнь была только для них, и завод существовал для них, и ули-

ца, которая называлась Тюлевая, потому что в заводском магазине давали тюль, и все сделали себе на пробор занавесочки одинаковые...

Захолонуло – вот оно, мое место, мое счастье, здесь я нужна, здесь моя родина... А с сорок пятого я поступила туда на работу.

Тогда, в сороковые, там собралась группа очень сильных молодых скульпторов – Кожин, Сотников, Малышева, Бржезицкая. На заводе Асту приняли хорошо, работы сразу пошли на выставки, но вскоре появилась в газете статья, где было написано, что она – явление, которого надо опасаться, что это – эстетизм, что ни к чему нам эти манерность и изыск. В то время Аста лепила Юрия Долгорукого – к выставке, посвященной 800-летию Москвы: он стоит, держит в руках Кремль и мечом его охраняет. Она нашла исторические летописи и прочла, что собой представлял Долгорукий. До сих пор наизусть помнит из Татищева: «Лицо он имел долгое и мучнистое, глаза малые, близко посаженные, нос длинный и накривленный, бороду редкую. Большой был любитель до жен и сладких напитков. Что же касается ратных подвигов, то во всем доверялся другу своему и собутыльнику князю Галицкому».

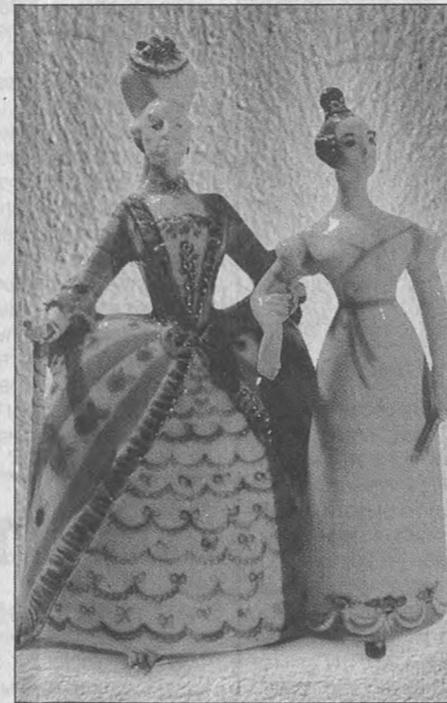
– Прибыли они в 1147 году в район нынешней Сретенки, где было имение боярина Кучки, гуляли, пили, что-то сожгли, кого-то обесчестили, с тем и уехали. Ужас какой!..

Тогда мне покровительствовал Николай Васильевич Томский. Очень хороший мужик, поэтичный, романтичный, почти безграмотный, но добрый и помогал молодым. Говорят, в прошлом парикмахер. Я пришла к нему, он делал на конкурс конную статую. Выслушал меня и говорит: «Я тебя не видел, я тебя не слышал. Иди отсюда со своим Татищевым. Нужна героическая фигура. Кто это помнит «нос длинный накривленный»? Ладно, я все равно тебе помогу... А за такие статьи, как про тебя написали, в Америке платят тысячи долларов. Вот увидишь – завтра проснешься знаменитой. И очередь на выставку будет стоять».

Так оно и случилось. На выставке реалистический портрет основателя города, выполненный «явлением, которого надо опасаться», пользовался бешеным успехом. Появились другие статьи, а в них – признание таланта, слава.

Нужны ли были стране, культивировавшей суровость, хрупкие чеховские дамы с собачками, романтические пушкинские девицы, читающие письма своих возлюбленных, капризные и коварные принцессы Турандот? Оказалось, да. Фарфоровые статуэтки, изготовленные на заводе большими партиями, с удовольствием покупали и дарили друг другу. В 60-е годы Астины работы, копии, можно было встретить не только в музеях, почти в каждом доме, они были очень модными тогда.

Сама Аста тоже блистала – первая дама «королевства Дулево» прекрасно дер-

жалась на высоких приемах: красивая, обаятельная, остроумная, с хорошим французским. Тогда же с одной работой случилась любопытная история. В 54-м году она сделала туалетный прибор «Принцесса на горошине». Шкатулка с фигуркой Принцессы, Король и Королева – флаконы для духов с головами-крышечками, два мопса на пуфиках – коробочки для пудры. От этого прибора в правительстве пришли в восторг, купили за большие по тем временам деньги – Асте хватало на скунсовое манто, и собрались дарить «Принцессу» бельгийской королеве. Но потом почему-то именно Климент Ворошилов испугался, решив, что королева может принять легко отделяемые королевские головы-крышки за глумление над монархией – и туалетный прибор остался в музее в Кусково.

– Руки лепят то, на что их бросает изображение и смысл вещи. Они иногда сами находят нужное – вдруг ищут раскинувшись на мантии и руку небрежно свесил, а во вторую взял маску и ножки скрестил. Он развалился на троне как-то сам по себе, а его там не укладывала. Этот народец фарфоровый начинает жить, когда он еще в пластилине, когда ты его только задумываешь. Если по делу задумал, то все идет тебе навстречу, если берешься не за свое – все прахом.

Фарфор – сложный для творчества материал. Там, кроме вдохновения, нужен точный расчет. Нужно, например, представлять себе, что при обжиге вещь теряет 1/7 своего размера, причем периферии будут утрачивать больше, потому что они тоненькие. Значит, надо думать, как она будет усаживаться. А потом пройдет через многие руки и печи, пока, почти как награда, вернется целой и завершенной к измотанному переживаниями и ожиданиями родителю-художнику.

– Видишь эту работу? «С легким паром» называется. Я слепила Брагинского с Рязановым голых в бане под одной простыней. Мы с Эмилем давно-давно дружим, еще с тех пор, когда я была начинающим художником, а он – молодым журналистом журнала «Огонек». Видишь, у каждого только по одной ноге влезло в шайку, остальные две свободные. Это символично. Тут во мне была бурлящая радость создания смешной вещи.

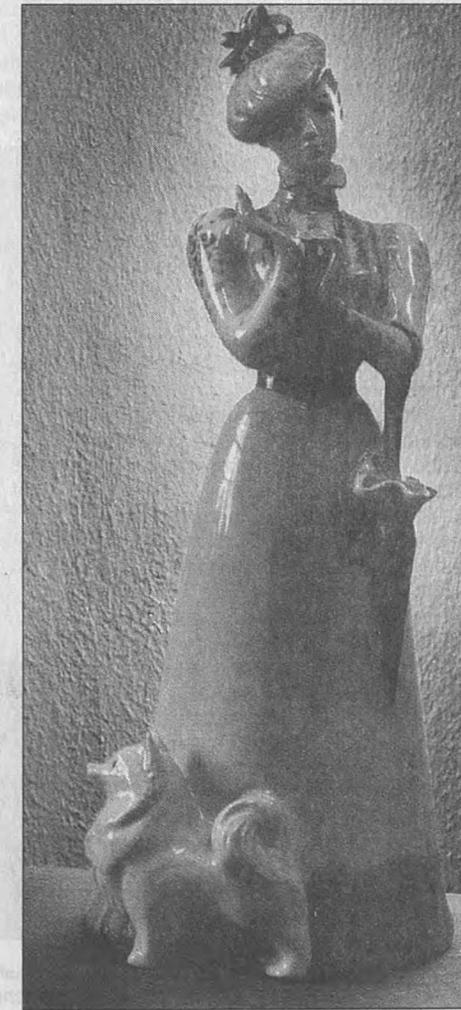
Потом их пути разошлись. Наверное, правильно. Знаешь, как сказал однажды по похожему поводу Ростропович: Сибелиус за последние 30 лет своей жизни не написал ни одной мелодии. Не потому что написал, но появились Барток, Стравинский, Прокофьев – другие, и настало их время. А Сибелиус остался великим композитором Финляндии. Ему поставлен памятник, его концерты исполняют, его чтят.

Когда лепила Михоэлса, слезами умывалась даже ночью, когда отходила от работы отдохнуть. Просто вспоминала его

судьбу и скрипача на крыше... Все время, пока гроб стоял в театре, напротив, на крыше двухэтажного дома сидел старый скрипач и играл...

В одну из наших встреч она вдруг сказала: «Знаешь, если бы я написала о себе книгу, то назвала бы ее «Исповедь невостребованного человека». Я откровенно удивилась и осторожно спросила: «Это вы не о нашем, о дамском?» – «Ну, насчет дамского – была бы охота. Такие мемуары можно было бы писать! Роман века был у меня... ослепительно!.. Нет. Но что-то, очень важное, прошло мимо. Может быть – кажется?..»

Недавно два знаменитых российских комедиографа сделали об Асте фильм.

Там она рассказывает множество смешных историй из своей, из дулевской жизни. Начинается фильм очень учтиво:

«Драматург Эмиль Брагинский и кинорежиссер Алла Сурикова имеют честь представить Вашему вниманию скульптора Бржезицкую».

Марина ЮЖАНИНОВА